

М.П. ПЕТРОВ-ТИНЕХПИ КАК ИЕЗУИТ

Сразу хочется оговориться насчет термина «иезуит». Его в данном случае можно назвать условным, рабочим. Объем и содержание этого термина и стоящие за ним традиции политической мысли сегодня более или менее известны. И нет нужды здесь их специально повторять. На бытовом уровне это слово обозначает изоощренную хитрость, коварство, интриганство... Рассмотрение личности М.П. Петрова-Тинехпи в этом ракурсе было бы сведением великого к малому, неуважением к памяти покойного... Не сниженный аспект идеи иезуитства нас интересует, а поиск жизненного смысла этого явления в плане национальной экзистенции.

Метри Юман в своих воспоминаниях «Год за годом» («Сул хысӑн сул», 1924) приводит мысль И.Я. Яковлева, высказанную им в 1904 году на уроке логики: «Чее пулӑр. Эпӗ ҫамрӑк чухне иезуит Игнатий Лойола вӗрентнине тишкерсе пӗлтӗм. Чӑваша чешӗх кӑна ҫӑлатӑ...»¹ (Будьте хитрыми. В молодости я изучил учение Игнатия Лойолы. Чуваша спасет только хитроумие.)

Мы не можем с полной уверенностью сказать, что именно «уроки» И.Я. Яковлева имели моделирующее значение в стратегии и тактике жизненного поведения чувашской интеллигенции («иезуитство» или то, что так или иначе можно подвести под это определение, есть смысл трактовать также как орудие выживания, как инструмент приобщения к силе, к власти, как психологический феномен, реактивное образование или даже как бессознательная установка национального сознания), но одно бесспорно: в конце XIX–начале XX века чуваша (по крайней мере образованные чуваша – точно) приняли (кажется, даже охотно) эту, как теперь называется, «ролевою модель» и идентифицировали себя (или пытались это сделать) с этой «знаковой культурой». Об этом говорят высказывания, присутствующие в более поздних (20–30-х гг. XX в.) текстах. Правда, «иезуитство» здесь уже выступает в маске «еврейства»². Это было формой защиты от грозной репрессивной машины государства³. Равнение на евреев в 20–30-е годы могло быть вызвано и конъюнктурными соображениями, то есть это могло быть подражанием народу, который в то время стоял у власти⁴.

«Иезуитство», «еврейство» – немаловажный фактор в чувашской истории конца XIX–начала XX века⁵. Не считаясь с ним, нельзя не только правильно описать картину сознания чувашской интеллигенции того времени, но и нельзя верно написать портрет того или другого деятеля чувашской истории и культуры. Попробуем показать это на примере М.П. Петрова-Тинехпи. Он был необычайно противоречивой фигурой. Так, незадолго до Октябрьской революции (1917) в книге «Николай Иванович Ильминский» (Казань, 1916) он выказывает себя как провозвестника обрусения чувашского народа⁶. После Октября М.П. Петров-Тинехпи – националист⁷. До Октября чувашский народ он награждает такими эпитетами, как «темное и дикое племя», «темные люди», «инородческая семья по складу своему первобытна и глубоко проникнута традициями и понятиями шаманства»⁸, «до революции чуваша были народом подгнетным, отсталым и в буквальном смысле слова жалким»⁹. После Октября чуваша – цивилизующая сила, чуть ли не народ-светоносец¹⁰. До Октября М.П. Петров-Тинехпи – не просто православный, но и служитель церкви¹¹, после Октября – не просто атеист, но распространитель идеологии, отрицающей существование Бога¹². «Перекарасился» – так можно определить метаморфозы, происшедшие с М.П. Петровым-Тинехпи – и оказаться близоруким. Можно во всех этих переменах увидеть определенную стратегию поведения – и быть ближе к истине, к обнаружению смысла... (Мы воздаем человеку не тогда, когда слепо поклоняемся ему, а когда понимаем его душу. Еще лучше: когда пытаемся прочувствовать бытие его в мире.)

В романе «Лето 1925» Илья Эренбург писал: «Почему я принимаюсь на любой почве? Сказали «живи!», дали штаны и миску супа, готово – живу. Мои годы напоминают водевиль с переодеваниями, но я, ей-ей, не халтурую, я только подчиняюсь. Я могу написать «Хуренито», а в жизни исправно мычать и проделывать соответствующие триста шагов, как самый заурядный баран. Измены здесь нет – ведь никто никогда не поставил мне на сердце клейма «такой-то», просто меня перепродавали из рук в руки, измены нет, есть смена, чередование профессий, стран, так называемых «убеждений» и еще – шляп» (Цит. по: *Парамонов Б. Портрет еврея: Эренбург. Звезда, 1991, № 1, с. 132*).

«Остался цел и невредим во всех качках и чистках века, все время оставался «у власти», – замечает Б. Парамонов. – <...> Итак, выстраиваются определения: еврей, славянофил, почти художник. Даже в католиках вроде бы побывал (об этом много интересного рассказано в старых изданиях «Хуренито»). Измены или переодевания? Я настаиваю на известной органичности».

«Органичность» – вот ключевое слово, объясняющее почему еврей И. Эренбург выжил, а чуваш – «второй еврей» – М. Петров-Тинехпи не выжил. Причина в разнице исторического и жизненного опыта, национальных характеров и т.д. Перефразируя известную поговорку, можем сказать: что еврею – благо, чувашу оказалось смертью. В постановке¹³ под названием «Чуваши-иезуиты – вторые евреи» провалили свои роли почти все его участники¹⁴. Хотя священник Т. Земляничский в книге «Чуваши» (Казань, 1909, с. 15) и указывает на «склонность к подражанию» в характере чуваша, наши соплеменники оказались плохими подражателями иезуитам, евреям. Может, им мешала «чувашская натура», которая, как неизменно отмечал сторонний взгляд, отличается детской искренностью, удивительной честностью... «Преступления у чуваш встречаются очень редко, – писал, например, в «Симбирских губернских ведомостях» (1864, № 112) Е. Бельский, – причем надобно заметить, что к воровству они положительно не склонны и живут так просто, что почти никогда не запирают чуланов, в которых хранятся их пожитки».

Заглядывать в карты Бога никому не дано, но не могу не поделиться чувством удивления, которое испытываешь от картины (пусть пока еще смутной) судеб выдающихся чувашей, когда смотришь через призму «иезуит – неиезуит», «естественность – неестественность», «кривить душой – прямодушие», «хитрость – честность», «жить своим умом – жить с оглядкой»¹⁵... Те, кто строил свою жизнь на других – «неиезуитских» основаниях, больше выжили, не говоря уже о том, что они состоялись в творческом плане (И.Н. Юркин, Н.В. Никольский, Г.И. Комиссаров, Ю.А. Зайцев, П.Н. Осипов, В.Г. Егоров и т.д.).

В самой инстинктивной природе человека, видимо, заложена нелюбовь ко лжи, ко всякого рода подражателям. «Феноменология интеллигентского духа знает ступень фило-сементизма, – считает философ Б. Парамонов, – когда кажется, что «евреи такие же люди, как и мы», разве что умнее и просвещеннее. Интеллигент на этой ступени начинает идентифицироваться с евреями и «дружить» с ними. Евреи охотно возьмется с такими людьми, но не уважают их» (Звезда, 1991, № 21, с. 143).

«У иезуитов есть учение о т.н. пробабиллизме (правдоподобном, «probabilitas»), по которому убежденный «по своей совести» в чем-либо как несомненно истинном может выдавать за истину совершенно противоположное «по совести другого» (*Катков М.Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1886 г. М., 1898. С. 144*).

Жизненный путь М.П. Петрова-Тинехпи (в смысле карьеры, успеха, имени) прошел под знаком первого, лучшего¹⁶. На сцене же чувашского «иезуитства, еврейства» он был плохим артистом. Пробабиллизм ему не давался. Он не умел вводить в заблуждение даже своих «простодушных» соплеменников¹⁷.

Л и т е р а т у р а

¹Юман М. Суйласа илнисем. Шупашкар, 1997. 322 с.

²«Нас теперь называют вторыми евреями», – хвастается в рассказе Семена Фомина «Матрос» (1930) молодой чуваш, «после службы в Красной Армии оставшийся в Ашхабаде» (Таван Атӑл, 2002, 2 №, 48 с.). Метри Юман в книге «1905-мӑш сул. Чӑвашсен хушпинче пулнӑ ӗссене аса илни», вышедшей в 1925 (!) году тиражом в 3 тысячи экземпляров, вспоминает события начала XX века. Тема еврейства здесь возникает в следующем контексте: «По части учебы чуваша по сравнению с другими мелкими народностями выказывают больше рвения. Русским чиновникам консервативного толка это было не по душе. Они прекрасно создавали, что в случае зарождения интеллигенции она не может устоять от борьбы с национальным гнетом. Поэтому чувашей перестают принимать во многие школы, в некоторых газетах и журналах писали, что чуваша похожи на евреев. Как бы то ни было чувашская интеллигенция все же развивалась: только из одной Симбирской чувашской школы еще до революции вышли около тысячи учащихся. Выпускников же других школ никто не считал» (с. 39).

³«Комиссародержавие» (определение Гавриила Алюнова), затем сталинская диктатура целенаправленно изгоняли из мира тайну. «Наконец, в наиболее глубоком и темном углу бессознательного, стихийного, подпочвенного затаилась природа самого человека, — писал Лев Троцкий в книге «Литература и революция» (1923). – Не ясно ли, что сюда будут направлены величайшие усилия исследующей мысли и творческой инициативы? <...> Человек поставит себе целью овладеть собственными чувствами, поднять инстинкты на вершину сознательности, сделать их прозрачными, протянуть провода воли в подспудное и подпольное и тем самым поднять себя на новую ступень – создать более высокий общественно-биологический тип, если угодно – сверхчеловека» (Троцкий Л. Литература и революция. М., 1991. С. 196-197). «Большой террор» – так называется книга английского историка Роберта Конквеста. «Это и есть «исследующая мысль и творческая инициатива» в плоскости деятельности репрессивных органов государства. И неудивительно, что любители игры в секреты жестоко поплатились: «Уже первое выборочное знакомство со следственными делами, хранящимися в бывшем архиве ОГПУ–НКВД–МГБ–КГБ, показало наличие в 20–30-х годах нашего века в России разнообразных мистических групп, обществ и организаций, члены которых пополняли ряды заключенных ГУЛАГа и секретных сотрудников ОГПУ–НКВД» (Литературное обозрение, 1994, № 3/4, с. 105).

Хотя у образованных чувашей и были лозунги типа «Все чуваша, объединяйтесь!», но о существовании каких-то тайных союзов история молчит. Мы можем говорить лишь об идеях и символах, которые спланивали чувашей. Верных учеников И.Я. Яковлева «иезуитство» в лице учителя делало участниками некоего заговора. Заговорщический, таинственный момент нередко проявляется в их словах и поступках. 24 сентября 1937 года студент Ф. Васильев пишет о преподавателе С.М. Максимове в комитет ВЛКСМ, что «восхвалял он миссионера попа (директора чувашской школы в Симбирске до революции 1917 г.) Яковлева И.Я., говоря: «Он был хороший человек, всегда в школе заводит жесткие дисциплины, любил учеников, соблюдавших его режим, конечно, я тоже уважал его и придерживался его поведением и, благодаря чего, я добился преподавания по музыке в этой же самой школе. Здесь он говорил, что Яковлев любил подхалимов и сам Максимов был подхалим» (Цит. по статье: Кондратьев М. История музыки в доносах и протоколах // Чебоксарские новости, 21 сентября 1991 г.). Портрет И.Я. Яковлева, нарисованный в доносе, напоминает образ классического иезуита, точнее, карикатуру на иезуита.

⁴Борис Парамонов в работе «Портрет еврея: Эренбург» пишет об «участии евреев в коммунистической революции, о короткой, но необыкновенно значимой истории их доминирующего влияния в коммунистической России» (Звезда, 1991, № 1, с. 147). «Еврей в диаспоре – загадка и тайна человечества. Если угодно, в истории есть только одна тайна, и эта тайна – еврей», – замечает философ. И, похоже, это определение распространяется и на «вторых евреев» – образованных чувашей.

⁵«4 августа в 4 часа, – читаем в газете «Хыпар» (1917, 31 августа), – в здании Уездного Земского Управления начал свою работу Чувашское собрание». Перед закрытием собрания Г.Ф. Алюнов (председатель собрания) напомнил слова одного из основоположников эсеровской партии Г.А. Гершуни, который после Первой русской революции (1905–1907) вывел формулу действия на будущее: «Свободу, которую обрели, потеряли; это случилось из-за нашего незнания, но если еще раз обречем свободу и ее также сведем на нет, то нам в будущем народ никогда не простит».

⁶«Инородцы больше и больше отказываются от всего созданного своею собственною силою: оставляют обычаи, ими самими выработанные, нравы, в которых они ужились, традиционные принципы, которыми они обычно руководствовались в жизни, и мирозерцание, которое они себе составили. Взамен этого они усваивают христианские воззрения русского народа с его национальными обычаями и особенностями. Таким образом, инородческие племена всего своею массою делают первый и самый важный шаг к сближению с русским народом, сначала на почве духовно-нравственной, на почве веры, чтобы после, в грядущие времена, окончательно слиться с великим державным народом для общей гражданской и культурной жизни. Буди, буди и буди!» (с. 104–105).

⁷В «Отчетах о деятельности «Общества изучения местного края» за 1921–22 годы» он заявляет, например, следующее: «Пробужденный интерес к народной жизни и его судьбе принял характер жизненно важный, конкретно-практический <...> Появление Общества изучения местного края Чувашской автономной области ни в коем случае не м.б. практикуемо, как какая-нибудь выходка крикливого национализма чуваш, что склонно делать некоторые местные деятели нечувашского происхождения, идеалом которых явля-

ется не объединение многообразных культур в СССР, а приведение их к одному знаменателю путем растворения в русской стихии» (Отчеты ОИМК за 1921–1923 гг. Чебоксары, 1924. С. 4).

«Жестокая борьба на два фронта, с татарами и русскими, длившаяся в начале XIII в. несколько лет, вывела чувашское государство из строя самостоятельных государств, а их самих поставила в положение побежденного и угнетенного народа со всеми роковыми последствиями, отсюда проистекающими. Начатое дикими выходцами из Азии<...> довершила революционная русская государственность, варварски хищная и до жестокости тупая. Своей колонизационной и обрусительной политикой она довела чуваш, этих потомков некогда выдающегося и культурного народа, почти до могилы» (Петров М.П. О происхождении чуваш. Чебоксары, 1925. С. 58–59).

⁸Петров М.П. Николай Иванович Ильминский. Казань, 1916.

⁹Отчеты о деятельности Общества изучения местного края за 1921–22 гг. // Отчеты ОИМК за 1921–1923 годы. Чебоксары, 1924. С. 3.

¹⁰«Замечательно то, что чувашаи, видимо, были не только самыми ревностными учениками арабов, но и серьезными пропагандистами вероучения магомета. Об этом свидетельствует, между прочим, присутствие значительного количества арабизмов в мордовском, черемисском и вотском языках, данных в виде чувашизмов. Таким образом изучение арабских элементов в чувашском языке приводит к косвенному подтверждению положения, что чувашаи суть потомки древних камско-волжских болгар» (Отчеты ОИМК за 1921–1923 гг. Чебоксары, 1924).

«В частности, специальное изучение чуваш тем более необходимо, что чувашский народ в лице своих предков, болгар, имел исключительное значение в жизни и культуре не только подвластных когда-то финских народностей, но, как показали труды академика Н.Я.Марра, не меньшее значение в процессе создания и развития русской культуры» (Отчеты о деятельности ОИМК за 1924–26 гг. С. 6).

¹¹«1 июля 1905 г. был рукоположен в сан священника и определен в с. Раскильдино Курмышского уезда Симбирской губернии», – отмечает В.Д. Димитриев в исследовании «М.П. Петров: жизнь и научная деятельность» (Историко-этнографические исследования в Чувашской ССР. Чебоксары, 1990. С. 5). В 1917 г. он выдвигал свою кандидатуру на пост чувашского епископа (архиерея). Это было вершиной его роста на этом поприще. К нему вели следующие ступени: законоучитель женского училища при Симбирской чувашской учительской школе, настоятель школьной церкви (1905), законоучитель приходского училища при СЧУШ (1906), приходской священник в с. Малое Карачкино (1907–1914), Казанская духовная академия (1914–1916). В духовной семинарии он учился в 1897–1901 годах.

¹²«В годы работы в библиотеке (1931–1936) Михаил Петрович разработал несколько методических докладов, а также текст лекции на атеистическую тему, перевел на чувашский язык вместе с П. Дубининым книгу В.А. Тетюрева «О природе» (издана в 1933 г.)» (Димитриев В.Д. Указ. раб., с. 8).

¹³«Постановка» – понятие, заимствованное из психодраматического толкования контркультуры 60–70-х годов XX века. Возможен и более традиционный подход: к примеру, в духе А.В. Жиркевича. В дневниковой записи генерал-майора (27 декабря 1917 г.) просвечивается другой, более высокий смысл жизненного пути И.Я. Яковлева: «Он сам сознался мне, что в официальной переписке говорит не всегда то, что думает по вопросам школьного образования, воспитания, дисциплины, порядка. Вражда его к новшествам на каждом шагу чувствуется. Поэтому-то его считают отжившим свой век, отсталым, даже вредным. Но старик хитер, наружно идет на уступки, кое-где отмалчивается, кое-где лукавит, как бы соглашается. Интересный, сложный, новый для меня тип» (Лик Чувашии, 1995, № 2, с. 132).

В своей статье мы, как думается, достаточно дали понять, что это за тип, который озадачил выдавшего вида А.В. Жиркевича (тогда ему было 60 лет, а окончил он, подчеркиваем, Петербургскую военно-юридическую академию). Тип сознания и практического действия, явленный И.Я. Яковлевым и его учениками, наукой еще не описан и совершенно не осмыслен. Мы делаем первый шаг в этом направлении.

¹⁴И.Я. Яковлева также коснулась неудача. Хотя А.В. Жиркевич и пишет, что «И.Я. Яковлеву и его жене назначена пенсия в необычном размере», что «благодаря приказу из Москвы И.Я. Яковлеву и его жене выдана усиленная пенсия – за 3 месяца 12 миллионов» (Лик Чувашии, 1995, № 5–6, с. 216; Лик Чувашии, 1996, № 5–6, с. 126), – свидетелей конца его жизненного пути не покидало ощущение, что он потерпел фиаско. Вот что пишет, например, Метри Юман в романе-эссе «Славный век» («Хăватлă ёмёр», 1920–1930): «Ничто у тебя не будет, ни кола, ни двора. В преклонные лета ты будешь скитаться по чужим углам, не находя приюта. Так ты и сойдешь в могилу» (Юман М. Суйласа илнисем. Шупашкар, 1999. 312 с.).

Слова М. Юмана оказались пророческими. Но не только для Ивана Яковлевича, но и для его учеников (имеется в виду духовных учеников). Они все оказались бездомными – кто в реальной жизни, кто в плане метафизическом. Куда как знаменательна, символична концовка ролей двух наиболее выдающихся и верных учеников И.Я. Яковлева – Д.П. Петрова (М. Юмана) и М.П. Петрова (Тинехпи) – двух Петровых. «Когда пришел страшный 1937 год, почувствовал, что его не минует репрессия, и, бросив Москву, уехал на Дальний Восток», – пишет о первом А.В. Изоркин (Их имена останутся в истории: Биографические очерки. Вып. 2. Чебоксары, 1994. С. 73). Перехитрить судьбу не получилось: заболел, он лег в чужую, холодную землю далекой Амурской области. «30 апреля 1937 г. М.П. Петров, – пишет В.Д. Димитриев в своем исследовании о другом Петрове, – был необоснованно арестован. Шли мучительные допросы. Он их не выдержал – в августе 1938 г. скончался в Цивильской тюрьме» (с. 8).

¹⁵Все эти бинарные оппозиции в принципе восходят к «стремлению к подражанию» и к «стремлению к оригинальности»: «Каждый этнос имеет две культурно-политические доминанты:

I. Стремление к подражанию соседям, более богатым и многочисленным, – мимесис.

II. Стремление к оригинальности, на основе адаптационного синдрома или приспособления к вмещающему ландшафту – евтурофилия (любовь к Родине) – евразийство» (Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии. М., 1993. С. 57).

¹⁶СЧУШ кончил в качестве лучшего ученика, духовную семинарию окончил в числе перворазрядников, в Казанской духовной академии по татарскому языку имел высший балл (по статье В.Д. Димитриева). Если Россия пошла бы по демократическому пути, то вполне смог бы стать чувашским архиереем. Этим своим качеством М.П. Петров-Тинехпи также попадает в традицию иезуитства. В Энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона (т. XVIIа, с. 914) читаем, что «выдающейся чертой Лойола – основателя иезуитского ордена – уже в юношеские годы было чрезмерное честолюбие: он всегда желал выделиться, быть первым».

¹⁷Из заявления И.Е. Ефимова-Тхти в Госиздат Чувашской Республики: «Помимо указанных выше ко мне неблагоприятностей со стороны некоторых чувашских литературных работников тут есть еще одно обстоятельство, на которое, по-моему, тоже надо обратить внимание. Дело в том, что эти мои рукописи были даны на рецензию бывшему попу – М.П. Петрову, хитрость, тонкость и лукавство этого преосвященнейшего отца ни в коей степени не уступает питомцам и выходцам из католических иезуитских школ, основанных Лойолой. Звание, почетное звание члена ордена иезуитов смело можно преподнести М.П. Петрову.

Преосвященнейший, хитроумнейший отец Петров получил мои рукописи на рецензию от Акцентра Наркомпроса, раздал их на отзыв тем, кому это казалось ему подходящим. А сам дипломатично написал сводную – общую рецензию, ссылаясь на отзывы тех, кому он сделал перепоручения на отзыв на каждую мою рукопись в отдельности. Комбинация преосвященнейшего М.П. Петрова оказалась чрезвычайно ловкой и удачной, благодаря чему М.П. Петров сумел оттянуть время печатания моих рукописей, в числе которых были негодные ему «Акафий» попам. «Пуп таврашён мӓнкунё», «Сав-сав сёрте».

Естественно и вполне понятно – от М.П. Петрова невозможно ожидать рекомендации к печатанию моих религиозных и антипоповских рукописей. Он не может позволить печатать такой материал человеку, который много написал против религии и духовенства, против попов, живые портреты которых он знал и знает» (НА ЧГИГН, отд. V, ед. хр. 114, инв. № 1412).

Г.И. Комиссаров в письме к В.Д. Димитриеву (25.03.58) пишет: «Груд «Чӓваш халӓхӓн историйӓ» в 3-х книгах не окончил потому, что работу эту отбил у меня покойный М.П. Петров» (НА ЧГИГН, отд. V, ед. хр. 76, инв. № 2241, с. 33).

Из письма М.Ф. Федорова к А.И. Исаеву (21.05.79): «В течение трех лет работы в техникуме <...> нами было собрано много песен – текстов, около 22 тысяч четверостиший. После исключения повторяющихся случаев осталось около 4 тысяч. Все это мы перегруппировали (солдатские, свадебные...) с описанием и на хорошей бумаге переписали. И я сам лично сдал все эти тексты лично директору Музея в Чебоксарах Мих. Петр. Петрову. Он принял эту (рассыпчатую) стопку листов, отнес в другую комнату. Вернулся, сел за свое место и стал читать текст из Геродота (и комментировал) – ни одного вопроса, ни слова поощрения. Я был поражен. Не стоило труда догадаться, что я допустил грубую ошибку: надо было переплести несколько книг. Однако не исключается ведь, что тексты могли сохраниться» (Литература сткерё: 1991. Шупашкар, 1991. 77 с.).